

DOI: 10.47026/2712-9454-2022-3-3-56-62

УДК 94(47+57)«17»:271.22-67
ББК Т3(2)511-37

О.Н. ШИРОКОВ, М.А. ШИРОКОВА

СВЕТСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ В РЕФОРМАХ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Ключевые слова: *Петр I, патриарх Адриан, реформа церкви, коллегия, Святейший Синод, секуляризация, «Бог–государство–народ», Духовный регламент.*

Статья посвящена изучению церковной реформы Петра I в контексте модернизации российского общества в первой четверти XVIII в. Рассмотрены предпосылки реформы церкви и предыстория развития ее отношений с государственной властью начиная с эпохи Ивана Грозного, дан краткий обзор историографии вопроса. Традиционная для той эпохи религиозность Петра I испытала воздействие западной системы ценностей через окружение будущего императора в юности в Немецкой слободе. Вместе с этим он последовательно продолжал политику своего отца, стремившегося восстановить приоритет светской власти. Важным фактором выступили неоднозначные личные отношения Петра с патриархом Адрианом, заступившимся за стрельцов и отказавшимся постричь в монахи царицу Евдокию. Несомненно, большую роль в церковной политике сыграло стремление ограничить неконтролируемую передачу государственных ресурсов, прежде всего земель, в руки церковно-монастырской системы. В основу Синода был заложен коллегиальный принцип управления, как и в других светских учреждениях империи, чем подчеркивалось изначальное превосходство светской власти над духовной. При всей кажущейся противоречивости поступков Петра Великого сохранялся прежний набор традиционных религиозных практик, дополненный функциями, необходимыми для выстраивания траектории длительного процесса модернизации общества.

Особого освещения в контексте темы требует непростая история взаимоотношения и взаимодействия церкви и светской власти в России. В отечественной историографии сложилось достаточно устойчивое большинство исследователей этого вопроса, оценивающих отношения церковь–государство в этот период как противоречивые, но в целом опирающиеся на византийский опыт с включением элементов новомодной тогда западноевропейской модели. Мейнстримом в решении данного вопроса, на наш взгляд, является работа Б.А. Успенского, проанализировавшего труды своих коллег-предшественников и выделившего важнейшую сторону масштабной и импульсивной деятельности Петра – усиление степени сакрализации царской власти и появление элементов европеизации задолго до его времени [11]. Знаковый эпизод взаимоотношений Петра с ведущим историком эпохи Василием Татищевым по религиозным вопросам привел историк XVIII в. И. Голиков [2]. Царь побил палкой выдающегося летописца отечества за вольнодумство и позицию критика Священного писания, за разрушение доверия к вере, а значит, и к царской власти, на нее опирающейся.

Начиная с эпохи Ивана IV, несмотря на церковно-государственное единство, политическая власть осознает ловушки и опасности неконтролируемой передачи государственных ресурсов, прежде всего из государева фонда земель для испомещения основной военной силы, в руки церковно-монастырской системы. Решение

«Стоглавого Собора» 1551 г. о введении государственного контроля за процессом передачи помещичьих земель монастырям и храмам воплотилось в 101-й главе, которая была добавлена царем к 100 главам в виде соборного приговора от 11 мая 1551 г. об архиерейских и монастырских вотчинах [7]. Поначалу она воспринималась как комментарий и пожелание, однако со временем начала приносить реальную пользу государству в вопросе возврата таких земель, обозначив длительный процесс секуляризации церковно-монастырских земель в России.

В том же историческом направлении следует понимать и включение в 13-ю главу Соборного уложения 1649 г. новой государственной институции – Монастырского приказа (1649–1677) [6], восстановленной Петром I в 1701 г., им же и упраздненной затем в 1725 г., а затем преобразованной в Камер-контору Святейшего Синода [10]. Монастырский приказ во главе с подвижником Петра И.А. Мусиным-Пушкиным создал основу для усиления роли светских властей в решении судебных, экономических и земельных вопросов церкви (исключение ранее было сделано только для патриарха) и стал предтечей Святейшего Синода, вобравшего в себя его функции [8].

Сама идея создания Синода, как коллегиального органа управления церковью во главе с «государевым оком», проистекала из двух источников: византийской модели управления с преобладанием императорской власти и опорой на соборные начала и теоретических построений С. фон Пуфендорфа, обосновавшего коллегиальную модель церковной организации. После свадьбы царевича Алексея с брауншвейгской принцессой Софией-Шарлоттой в 1711 г. в саксонском Торгау (по брачному договору София могла не принимать православия, что уже само по себе символично и нетрадиционно) Петр делает ставку на почетного гостя Г. Лейбница, взяв его на службу Российскому государству в качестве тайного советника по юстиции, возложив на него кроме плана создания научных институций (Академия наук) и коллегий также и подготовку реформы церкви.

Следует к этому добавить и межличностный фон, в котором происходили сложные отношения Петра с новым патриархом Адрианом, усугубившиеся в связи с попытками в 1698 г. главы церкви примирить царя с опальными стрельцами. Еще больше осложнил отношения с царем прямой отказ патриарха постричь Евдокию Лопухину и отстранить ее от власти. Молодой царь расценил позицию Адриана как прямое вмешательство в дело светских властей, апеллируя к решениям Большого Московского собора 1666–1667 гг., принявшего новую формулу «разделения властей»: «В светских делах патриарх подчиняется царю, а в церковных делах царь и патриарх равны» [4], сформулированную во многом в качестве ключевого ответа на вызов «папоцезаризма» патриарха Никона для основ царской власти. Эти исторические факты свидетельствуют о складывании нового понимания светского и религиозного в сторону усиления государственного начала задолго до времени петровских преобразований.

Невозможно представить панораму грандиозных свершений эпохи Великого Петра без понимания мотивов деятельности венценосца. Нет сомнения в персональной религиозности Петра, что подтверждается взаимоотношениями со святым Митрофаном Воронежским во время строительства первого военно-морского флота. Знаменитый святитель не только поддержал, но и стал финансировать строительство боевых кораблей. Получил широкий резонанс конфликтный эпизод между святым и царем по языческой атрибутике Воронежского дворца Петра, разрешенный уступкой главы страны и его смирительным поведением в отношении святителя, результатом которого стало решение царя убрать языческие статуи из своего дворца в Воронеже [12]. Но тут же

следует противопоставить названному примеру высокого духовного уровня смирения 30-летний хоровод «Всешутейшего Собора», что только усиливает амплитуду личных противоречивых качеств Петра.

За рядом малосвязанных преобразований и личных импульсов может ускользнуть цементирующий раствор, придающий цельность всей постройке. Воздействие западной системы ценностей на молодого Петра прочно вошло в его мировоззрение, которое воплотилось позднее в обучении наследника престола, царевича Алексея, основам европейского понимания религиозного и светского начала с выделением из божественной прерогативы естественного права, представленного трудами С. фон Пуфендорфа [5] и Г. Гроция, выбранных отцом для его обучения. В этом примере сочеталась московская традиция в передаче власти с ценностными инновациями. Впоследствии стремление «учиться у Европы» станет распространяться и на цвет русского общества, тяжело расстававшегося с прежними представлениями и без особого желания отправлявшего своих сыновей для этой великой миссии за тридевять земель.

Модные политические и правовые учения эпохи Просвещения (Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс, С. фон Пуфендорф), с одной стороны, влияли на позицию первого императора России и подготавливали новую формулу власти по западноевропейскому образцу: вместо теократической традиции рождается более светская триада – «Бог–государство–народ». С другой стороны, длительные традиции российского самовластия только подчеркивали авторитарные мотивы власти, основанные на идеологии подчинения, а не на общественном договоре. Наиболее ярко новые черты нового понимания власти проявили себя в трагической развязке 1718 г. – казни наследника престола, а по сути – подрыва традиции передачи власти в Московском царстве, а в 1723 г. – в нетрадиционной коронации Екатерины I. Отказ от инсигний московских царей и переезд из Москвы в «открытый город» Санкт-Петербург (без традиционных кремлей), только усиливали сложное отношение Петра к традиции.

Северная столица мыслилась как растущая сфера основ светской культуры и жизни, необходимых для обслуживания важнейшего признака великой державы того времени – военно-морского флота и смежных с ним основ Империи. Появлялся и новый носитель светской сферы: ученый, техник, навигатор, инженер, педагог, офицер, государственный чиновник. Армия и флот, выстраиваемые на европейский манер, поглощали основные финансовые ресурсы государства. В этих обстоятельствах становится понятным сужение сферы религиозной деятельности с желанием контроля за ней для мобилизации государственных сил. Серьезной ломкой патриархальности прежнего образа жизни и взаимоотношения полов станет политическое давление для высвобождения женщины из сферы домашнего затворничества. С этого времени начинается новая история российской знатной женщины. Эмансипация нравов сверху открыла новую сферу, свободную от прежних традиций – сферу светской жизни, особенно ярко воплотившуюся в главном инструменте «выхода» женщины в свет – петровских ассамблеях. С 1723 г. и сама власть теряет патриархальный характер с созданием волею Петра законного механизма возведения на престол женщины.

Вместе с тем сила православной традиции воплотилась в канонизации святого князя Андрея Боголюбского в 1702 г. и в важнейшем государственном деле конца правления первого российского императора – перенесении мощей святого, благоверного князя Александра Невского в Александро-Невскую лавру в 1723–1724 гг. Появление небесного защитника «европеизированной» северной столицы стало главным государственным событием в правлении

Петра Великого, засвидетельствовавшим восстановление православной традиции в самом инновационном центре петровской империи.

Разделение сферы ответственности светского и церковного начал жизни российского народа воплотилось в дальнейшем в реформах, разделивших сферы применения языка в письменной форме между церковной и светской деятельностью. Введение в 1708 г. гражданского шрифта («амстердамская азбука»: по месту происхождения типографских станков [1]) сужало сферу применения церковнославянского языка и письменности. Главным проводником реформы стал уже упомянутый выше глава Монастырского приказа граф И.А. Мусин-Пушкин как руководитель еще и Печатного двора, ставший позднее сенатором, причем первым в списке, по указу от 2 марта 1711 г. Что символично, первой книгой, набранной новым шрифтом, стал учебник – «Геометрия славенски землемерие» – начало отечественного просвещения. К чести Петра отметим, что он отверг латинизацию русского алфавита, ставшую реальностью в начале XVIII в. в кругу высшей элиты России, и сделал твердый выбор в пользу традиционной кириллицы, что сближает гражданский и церковный шрифты, несмотря на внешний европеизированный облик новых букв, выполненных инженером и чертежником Куленбахом, служившим при штабе армии Меншикова картографом, по эскизам самого Петра. Завершилась реформа 29 января 1710 г. с выпуском Печатным двором эталонной азбуки. Кроме нового гражданского шрифта была заменена и буквенная форма цифр на общепринятые сегодня арабские цифры. Переход на светский вариант письменности упростил алфавит, сделав более доступным образование, создал язык науки, сблизил восприятие европейских и российских публикаций, позволил создать новую поэзию и литературу.

К этому же ряду нововведений следует отнести и фактическую отмену традиционного летоисчисления от сотворения мира (7208 год был преобразован в 1700 год в соответствии с юлианским календарным временем, или «старым стилем», путем вычета 5508 лет), и традиции празднования Нового года 1 сентября. Новая эра должна была не столько омолодить традицию летоисчисления, сколько привязать ее к христианскому пониманию времени – «от рождения господина Бога и спасения нашего Иисуса Христа»... «Великий Государь указал сказать: известно ему Великому Государю не только что во многих Европейских Христианских странах, но и в народах Славянских, которые с Восточною православною нашею Церковью ко всем согласны, как: Волохи, Молдавии, Сербы, Далматы, Болгары и самые Его Великого Государя подданные Черкасы и все Греки, от которых вера наша православная принята, все те народы согласно лета свои исчисляют от Рождества Христова [9] (что символически переключается и с сегодняшними нашими Рождественскими чтениями). Таким образом, само обоснование Петром проводимой реформы основано на главном аргументе использования летоисчисления в православном мире с ударением на греческий источник.

События церковной реформы были связаны с переломным историческим моментом – раскрытием заговора 1718 г. против личности первого Императора, в котором в роли лидеров выступили иерархи русской православной церкви, стремившиеся откатить в патриархальное прошлое ряд изменений, совершенных Петром. Неудивительно, что среди антиправительственных дел, рассматривавшихся Преображенским приказом, 20% были открыты против духовных лиц. По именному указу Императора от 21 февраля 1718 г. [3], во главе карательного приказа становится талантливый ищущий и душегуб князь И.Ф. Ромодановский, как знаковая фигура и символ полицейского государства, оформленного в последний период правления Петра в качестве реакции на политический вызов новой системе.

С 1700 г., после смерти десятого патриарха Адриана (1690–1700 гг.), царь сознательно лишил церковную организацию возможности избрать нового главу на прежних принципах, памятуя о непростых отношениях с последним патриархом. Вместо патриарха была установлена временная должность местоблюстителя церковного престола, занимаемая вплоть до церковной реформы 1718–1721 гг. митрополитом Рязанским Стефаном Яворским, с которым у Петра также не сложилось общего взаимопонимания. Царь сделал свой выбор с опорой на своего ревностного сподвижника – талантливого мастера слова, писателя, ученого и священнослужителя, архиепископа Псковско-Великолукского и Нарвского в 1718–1725 гг. Феофана Прокоповича, ставшего первым вице-президентом Синода с 25 января 1721 г., «а по совместительству» и его фактическим руководителем. Феофан стал главным проводником и создателем Духовного регламента и идеологом раннего просвещенного абсолютизма в России, а также автором инструкций проведения процедуры дознания и пыток для Преображенского приказа.

В основу Синода Петром и Феофаном был заложен коллегиальный принцип управления, как и в других светских учреждениях Империи, чем подчеркивалось изначальное превосходство светской власти над духовной, опиравшейся на традиционное понимание царской власти как власти Христа над миром, что нашло отражение в Духовном регламенте [8]. С его принятием и началом деятельности Синода началась двухсотлетняя история синодального периода Русской Православной Церкви (1721–1917 гг.). С церковной реформой совпало ужесточение политического режима в отношении раскольников, особенно это стало актуально с началом в 1718 г. полицейско-государственной акции по проведению первой ревизии. Борьба с раскольниками нашла живое участие и понимание иерархов Русской Православной Церкви, что сближало позиции светские и духовные. В этот период продолжилась миссионерская деятельность в Поволжье и Сибири (миссия святителя Филофея Лещинского), что только подтверждает сложившуюся религиозную традицию допетровских времен. В ходе реформ Петра изменился облик монастырей, которые стали приобретать светские элементы, схожие с государственной гражданской службой: светское казначейское дело, обеспечение функционирования духовных училищ, создание странноприимных домов и больниц для местного населения. На приходских священников была возложена обязательная государственная миссия по ведению актов гражданского состояния.

Таким образом, петровский период стремительных реформ привел к замене основ вотчинного традиционного государства светским государством с чиновничьим исполнением властных импульсов, переложенных и на плечи церковных властей, одобренных тесной полицейской опекой к концу царствования первого российского императора. При всей кажущейся противоречивости поступков Петра Великого сохранялся прежний набор традиционных религиозных практик, дополнившийся функциями, необходимыми для выстраивания траектории длительного процесса просвещения сословий, поддержки системы здравоохранения и рационального управления подданными. Западничество Петра I уживалось со стремлением использовать православный цивилизационный код для усиления власти императора.

Литература

1. Амстердамская азбука // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

2. Голиков И.И. Анекдоты, касающиеся до Петра Великого. М.: Университетская тип. у Ридигера и Клаудия, 1798. XVI, 535 с.

3. Законодательные акты Петра I / сост. Н.А. Воскресенский. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 181–182.
4. Московские соборы 1660, 1666, 1667 годов – Собрание документов эпохи: в 2 т. СПб.: Квадривиум, 2014. 472 с.
5. Пуфендорф С. фон. О должности человека и гражданина по закону естественному: Русский перевод 1726 г. СПб.: Нестор-История, 2011. 22 с.
6. Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / ред. кол.: В.И. Буганов, М.П. Ирошников, А.Г. Маньков (рук. авт. кол.), В.М. Панеях. Л.: Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с.
7. Стоглав: Собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). Санкт-Петербург: Воскресение, 2011. 273 с.
8. Указ № 3718 // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание Первое. СПб., 1830. Т. 6. С. 314–346.
9. Указ Петра I № 1736. О праздновании Нового года // Полное собрание Законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 3. С. 681–682.
10. Указ Императора Петра I «Объ именовании Монастырского приказа Синодального Правительства Камерь-Канторою». 14 (25) января 1725 года [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9815/#page/401/mode/1up> (дата обращения: 01.09.2022).
11. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1996. 608 с.
12. Фрисов С.Л. Святой империи. К истории канонизации святителя Митрофана Воронежского в 1832 году // Христианское чтение: научно-богословский журнал. 2020. № 4. С. 184–198.

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, декан историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-8948>).

ШИРОКОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mlemaeva@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4182-3073>).

Oleg N. SHIROKOV, Marina A. SHIROKOVA

THE SECULAR AND THE RELIGIOUS IN THE REFORMS OF PETER THE GREAT

Key words: *Peter I, church reform, Holy Synod, secularization.*

The article is devoted to the study of the church reform carried out by Peter I in the context of the Russian society modernization in the first quarter of the XVIII century. The prerequisites for the church reform and the prehistory in the development of its relations with the state power since the era of Ivan the Terrible are considered, a brief overview of the historiography of the issue is given. Religiosity of Peter the Great which was traditional for that era was influenced by the Western system of values through the environment of the future emperor in his youth in the German Quarter. At the same time, he consistently continued the policy of his father, who sought to restore the priority of secular power. An important factor was Peter's ambiguous personal relationship with Patriarch Adrian, who stood up for the Strelitz and refused to make tsaritzza Evdokia a nun. Undoubtedly, an important role in the church policy was played by the desire to limit an uncontrolled transfer of state resources, primarily land, to the church-monastery system. The Synod was based on the collegial principle of governance, as in other secular institutions of the empire, which emphasized the primordial superiority of the secular power over the spiritual one. Despite all the apparent inconsistency of Peter the Great's actions, the former set of traditional religious practices was preserved, supplemented with the functions necessary to build the trajectory of a long process of social modernization.

References

1. *Amsterdamskaya azbuka* [Amsterdam Alphabet]. In: *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [Brockhaus and Ephron Encyclopedic Dictionary. 86 vols.] St. Petersburg, 1890–1907.
2. Golikov I.I. *Anekdoty, kasayushchiesya do Petra Velikogo* [Jokes about Peter the Great]. Moscow, 1798, XVI, 535 p.
3. Voskresenskii N.A., comp. *Zakonodatel'nye akty Petra I* [Acts of Peter the Great]. Moscow, Leningrad, 1945, vol. 1, pp. 181–182.
4. *Moskovskie sobory 1660, 1666, 1667 godov – Sobranie dokumentov epokhi: v 2 t.* [Moscow Cathedrals 1660, 1666, 1667 – Collection of documents of the epoch. 2 vols.]. St. Petersburg, 2014, 472 p.
5. Pufendorf S. *O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu* [On the Duty of Man and Citizen According to Natural Law]. St. Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2011, 22 p.
6. Buganov V.I., Iroshnikov M.P., Man'kov A.G., Paneyakh V.M., eds. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst, kommentarii* [The code of 1649: Text, Comments]. Leningrad, 1987, 448 p.
7. *Stoglav. Sobor byvshii v Moskve pri velikom gosudare tsare i velikom knyaze Ivane Vasil'eviche v leto 7059* [Stoglav. Cathedral was in Moscow under the Grand Tsar and Grand Prince Ivan Vasilyevich in 7059]. St. Petersburg, Voskresenie Publ., 2011, 273 p.
8. *Ukaz № 3718* [Decree № 3718]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. Sobranie Pervoe* [A complete collection of laws of the Russian Empire, from 1649. Meeting One]. St. Petersburg, 1830, vol. 6, pp. 314–346.
9. *Ukaz Petra I № 1736. O prazdnovanii Novogo goda* [Decree № 1736. On the celebration of the New Year]. In: *Polnoe sobranie Zakonov Rossiiskoi Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830, vol. 3, pp. 681–682.
10. *Ukaz Imperatora Petra I «Ob" imenovanii Monastyorskago prikaza Sinodal'nogo Pravitel'stva Kamer"-Kontoroyu». 14 (25) yanvarya 1725 goda* [Decree of Peter I of January 14, 1725]. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book9815/#page/401/mode/1up> (Accessed Date: 2022, Jan 2).
11. Uspenskii B.A. *Izbrannye trudy. V.I: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected works. V.I: Semiotics of history. Semiotics of culture]. Moscow, 1996, 608 p.
12. Frisov S.L. *Svyatoi imperii. K istorii kanonizatsii svyatitelya Mitrofana Voronezhskogo v 1832 godu* [Saint of Empire. To the history of canonization of Saint Mitrofan of Voronezh in 1832]. *Khristianskoe chtenie: nauchno-bogoslovskii zhurnal*, 2020, no. 4, pp. 184–198.

OLEG N. SHIROKOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and Geography, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (425954@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6218-8948>).

MARINA A. SHIROKOVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russian History Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mlemaeva@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4182-3073>).

Формат цитирования: Широков О.Н., Широкова М.А. Светское и религиозное в реформах Петра Великого // Исторический поиск / Historical Search. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 56–62. DOI: 10.47026/2712-9454-2022-3-3-56-62.